

С.Г. Рыбаков

**Музыка и песни уральских
мусульман с очерком их быта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С.Г. Рыбаков**
Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта / С.Г. Рыбаков – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 338 с.

ISBN 978-5-458-01435-9

Записки Императорской академии наук. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта.

ISBN 978-5-458-01435-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже давно признана необходимость близкаго этнографическаго изученія Россіи для блага и роста нашей общественной и государственной жизни. И это изученіе уже началось и совершается, хотя и не въ такой степени, какъ подобало бы для нуждъ и роли великаго государства.

Несомнѣнно, на первомъ планѣ должно быть поставлено изученіе родного русскаго народа, но волею судьбы, Россіи предназначено внести и въ среду народностей востока просвѣщеніе и христіанскую культуру.

Но чтобы успѣшнѣе быть носителями просвѣщенія, намъ необходимо близко и хорошо познакомиться съ жизнью восточныхъ народностей: сила вещей невольно все тѣснѣе сближаетъ насъ съ инородцами, и даже центръ нашихъ культурныхъ и государственныхъ интересовъ все болѣе склоняется въ сторону Азіи, востока, гдѣ въ настоящее время готовится, можетъ быть, съ ростомъ русской культуры новая великая сцена для міровой работы человѣчества. На востокъ, и притомъ русскому востокъ, зрѣютъ великія задачи, великія дѣла для будущаго человѣчества:

Молчать сомнительно востокъ,
Повсюду чуткое молчанье:
Что это — сонъ или ожиданье,
И близокъ день или далекъ? (Ө. И. Тютчевъ).

Не случайно, не безъ причинъ ширится и ширится русское племя все на востокъ; дѣло созданія нашего могущества на востокѣ, ростъ нашего государства есть дѣло не одного только правительства, но и въ огромной степени самого русскаго народа, который, терпя и страдая, неся крестъ на себѣ и Христа съ собою, полагалъ въ этихъ дальнихъ странахъ первыя сѣмена просвѣщенія и культуры:

Удрученный ношей крестной,
 Всю тебя, земля родная,
 Въ рабскомъ видѣ, Царь небесный
 Исходилъ благословляя. (Ө. И. Тютчевъ).

И только на этой самими народами подготовленной почвѣ стало возможно дальнѣйшее упроченіе готовящейся развиться здѣсь культуры.

Уже издавна одной изъ отличительныхъ чертъ нашей инородческой политики было признаніе племенныхъ особенностей инородцевъ, права за ними жить по ихъ собственнымъ вѣковымъ устоямъ жизни, и единственнымъ постояннымъ стремленіемъ русскаго народа и правительства было духовно вліять на инородцевъ путемъ водворенія христіанскаго просвѣщенія и культуры.

Вотъ это-то непрекращающееся стихійное движеніе русскаго міра на востокъ, неизмѣнно проводимое начало признанія племенныхъ особенностей народовъ, и просвѣтительныя задачи, являются главными побужденіями для насъ, русскихъ, къ изученію жизни и быта инородцевъ, населяющихъ Россію, къ изученію того востока, съ которымъ намъ придется и впредь жить или, по народному, вѣкъ вѣковать и съ которымъ общее можно находить въ самомъ настроеніи нашемъ: и народности востока, и русскій народъ одинаково настроены монархически и религіозно.

Помимо знакомства съ формами вѣшняго быта однимъ изъ наиболѣе интересныхъ предметовъ изученія являются памятники народнаго духовнаго творчества, въ томъ числѣ пѣсни и музыка, которые даютъ ключъ къ пониманію духовнаго склада инородцевъ, ихъ понятій, взглядовъ, образа мыслей, стремленій, настроенія, знакомство съ каковыми весьма существенно для успѣховъ нашихъ просвѣтительныхъ задачъ. Независимо отъ этого, вліянія востока уже давно играютъ свою роль въ складѣ русской жизни, что особенно ярко доказывается присутствіемъ множества вос-

точныхъ элементовъ въ нашемъ искусствѣ, въ томъ числѣ въ поэзи и музыкѣ. И въ предлагаемомъ собраніи инородческихъ пѣсенъ и мелодій наши музыканты и композиторы найдутъ, можетъ быть, не менѣе интересные образчики восточнаго творчества для своихъ занятій и работъ, чѣмъ какіе были въ распоряженіи прежнихъ русскихъ мастеровъ, а наши поэты — хотя немного новыхъ для себя мотивовъ.

Въ своей книгѣ я сдѣлалъ попытку сгруппированія всѣхъ по возможности видовъ музыкально-поэтическаго творчества мусульманскихъ народностей Урала съ изображеніемъ ихъ современнаго быта на основаніи впечатлѣній и материаловъ моихъ поѣздокъ по Уралу въ 1893—94 гг.

Первый отдѣлъ пѣсенъ, татарскія пѣсни, редактированы академикомъ В. В. Радловымъ. Что касается текстовъ башкирскихъ, темярскихъ и бакалинскихъ, то я вновь провѣрилъ ихъ въ бытность лѣтомъ 1896 года въ Оренбургѣ и при окончательномъ редактированіи ихъ пользовался содѣйствіемъ П. М. Меліоранскаго.

Въ правописаніи собственныхъ именъ, названій мѣстностей, предметовъ, когда они служатъ наименованіемъ пѣсенъ или мелодій, я избѣгалъ употребленія твердаго знака, какъ это принято въ транскрипціи инородческихъ текстовъ, и лишь по корректурнымъ недоразумѣніямъ попадаетъ иногда въ окончаніяхъ собственныхъ инородческихъ именъ буква ъ.

При обозначеніи тональности записанныхъ мною мелодій я держался правила—ставить въ нотномъ станѣ, въ ключѣ, лишь столько знаковъ (дизевъ, бемолей), сколько встрѣчается ихъ въ самой мелодіи, такъ что съ обычной точки зрѣнія можетъ казаться, что въ ключѣ недостаетъ знаковъ, напр., мелодія движется по всѣмъ признакамъ (съ точки зрѣнія европейской гармоніи) въ тонѣ ля-мажоръ, и въ ключѣ слѣдовало бы поставить три диеза: на фа, до и соль, между тѣмъ я ставлю только два диеза: на фа и до, — это значитъ, что въ самой мелодіи встрѣчаются только фа-диезъ и до-диезъ и вовсе не попадаетъ соль-диезъ.

Такого правила я держался потому, что установленіе тональности инородческихъ мелодій—вопросъ сложный и недостаточно

еще выясненный и во всякомъ случаѣ не можетъ производиться по приемамъ западно-европейской музыкальной теоріи.

Въ концѣ книги приложены таблица скорости мелодій по метроному, во избѣжаніе слишкомъ различныхъ толкованій при ихъ исполненіи, и карта Уфимской и Оренбургской губерній съ маршрутомъ моей поѣздки.

С. Р.

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Очеркъ быта и современнаго состоянія инородцевъ Урала.

Совершенная мною экскурсія лѣтомъ 1893 г. имѣла мѣсто въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. Собранные мною матеріалы и наблюденія ограничиваются предѣлами города Уфы и верхнеуральскаго уѣзда Оренбургской губерніи и потому легко могутъ оказаться односторонними, неполными, требующими добавленія и поправокъ.

Упомянутымъ лѣтомъ я сосредоточилъ свое вниманіе главнымъ образомъ на собираніи инородческаго этнографическаго матеріала, преимущественно пѣсенъ татарскихъ, башкирскихъ, тептярскихъ, черемисскихъ съ *мелодіями*, не упуская при случаѣ записыванія русской народной пѣсни, которая, оказывается, имѣетъ въ этомъ краѣ весьма интересные и высокіе образцы. Отдѣлъ башкирскихъ пѣсенъ пополненъ матеріалами и наблюденіями моей поѣздки по орскому уѣзду лѣтомъ 1894 года среди коренной горной Башкиріи.

Въ описываемомъ краѣ — въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ обитаетъ, какъ извѣстно, много разнообразныхъ инородческихъ племенъ, среди которыхъ все болѣе и болѣе распространяется господствующая нація русская. Здѣсь встрѣчаются народности, принадлежація къ финно-угорскому и тюрко-татарскому племенамъ: Татаръ, Киргизъ, Башкиръ, Тептярей, Мещеряковъ, Мордву, Чувашъ, Черемись и др.

Край этотъ до послѣдняго времени можно было считать почти дѣвственнымъ, нетронутымъ, и народности обитали въ немъ въ первобытныхъ, немѣняющихся условіяхъ жизни, сохраняя цѣльность своего племеннаго облика. Но въ послѣднее время поступательное движеніе русской культуры на востокъ коснулось и этого края и произвело въ жизни Приуралья суще-

ственный переломъ, открывая въ ней новую эру. Измѣненія въ жизни края связаны съ проведеніемъ великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на примитивныя народности и вызвалъ между ними новыя экономическія и соціальныя отношенія.

Проведеніе этого пути, начавшагося съ запада, со стороны Европейской Россіи отъ г. Самары и пересѣкающаго уже Самарскую, Уфимскую, Оренбургскую и даже Тобольскую губерній, знаменуетъ рѣшительное впаденіе русской культуры въ этотъ край, до сихъ поръ почти первобытный, изобилующемъ дарами и красотами природы и населенномъ столь разнообразными народностями. Эта культура грандіознымъ предпріятіемъ привлекла сюда громадные капиталы и массу новыхъ людей, начиная съ участниковъ построенія великаго желѣзно-дорожнаго пути и произвела шумъ и переполохъ въ мирной, захолустной жизни отдаленной провинціи, ускоривъ кровообращеніе въ народномъ организмѣ и поразивъ воображеніе наивныхъ и примитивныхъ обитателей невиданными сооруженіями, неслыханными предпріятіями и широкою, привольною жизнью.

Волна жизни и культуры, надвигаясь на инородцевъ, ставитъ имъ тяжелую задачу приспособленія къ новымъ основаніямъ жизни и принуждаетъ отказываться отъ прежняго вѣковаго жизненнаго строя, ставитъ имъ вопросъ: «быть или не быть». Тяжесть этого кризиса увеличивается тѣмъ, что представители господствующаго племени вносили сюда хищническую культуру, безцеремненно эксплуатируя край, обезземеливая кочевыя народности, уничтожая у нихъ скотоводство и такимъ образомъ насильственно, безъ всякой постепенности, выбивая ихъ изъ вѣковаго строя жизни и ведя ихъ къ вымиранію.

Въ видѣ иллюстраціи можно привести извѣстное хищеніе башкирскихъ земель, имѣвшее мѣсто въ 70-хъ годахъ и получившее своего историка въ лицѣ Н. В. Ремезова, разоблачившаго въ книгѣ «Очерки изъ жизни дикой Башкиріи» всѣ тайны этого хищенія, практиковавшагося и частнымъ и официальнымъ путемъ.

Жизненная волна стала совершать свои перестройки и перетасовки въ этомъ краю особенно съ проведеніемъ рельсоваго пути.

Самаро-Златоустовско-Челябинская желѣзная дорога, несмотря на свое недавнее существованіе, уже вызвала въ жизни края много новыхъ явленій и много старыхъ намѣтила къ упраздненію.

Проходя по краю, заселенному массою разнообразныхъ народностей, она усилила сношеніе и общеніе между ними, а будучи связана съ другими путями сообщенія, привлекла въ край другія отдаленныя народности и облегчила мѣстному населенію сношенія съ ними. Проѣзжая осенью 1892 г. отъ Златоуста въ Самару, я встрѣтилъ татарина изъ г. Троицка, Орен-

бургской губерніи, который, оказалось, ѣхалъ въ Бухару по Волгѣ, Каспійскому морю и Закаспійской желѣзной дорогѣ — окружнымъ путемъ вмѣсто прежняго черезъ среднеазиатскія степи. Въ Оренбургской губерніи, въ городахъ Оренбургѣ и Троицкѣ, издавна до послѣдняго времени существуетъ такъ называемая мѣновая торговля съ средней Азіей, преимущественно съ Бухарой и Туркестаномъ. Въ прежнѣе время названіе торговли соответствовало дѣйствительности и вмѣсто купли и продажи товаровъ существовала мѣна; но уже давно установилась обыкновенная торговля на деньги. До послѣднихъ лѣтъ среднеазиатская торговля въ Троицкѣ имѣла обширные размѣры: изъ Средней Азіи приходили десятки верблюжьихъ каравановъ съ азиатскими товарами — различными фруктами, хлопкомъ, шелковыми матеріями, пріѣзжала масса Бухарцевъ — Сарговъ, Киргизъ и другихъ народностей для покупки русскихъ товаровъ — желѣза, хлѣба, сундуковъ и т. п. Троицкъ и Оренбургъ были складочными пунктами среднеазиатскихъ товаровъ для всего Приуралья и даже большого района — этимъ объясняются размѣры торговли, а путь слѣдованія товаровъ пролегалъ по среднеазиатскимъ степямъ и былъ весьма продолжителенъ — до 3 мѣсяцевъ; передвиженіе совершалось на верблюдахъ; недостатки его отражались на состояніи товаровъ, доходившихъ до Урала обыкновенно въ измятомъ, запыленномъ и изсушенномъ видѣ. Но вотъ сооружаются сначала Закаспійская, а затѣмъ Самаро-Златоустовская желѣзныя дороги, и направленіе среднеазиатской торговли съ Европейской Россіей совершенно мѣняется къ огромной ея выгодѣ. Образуется окружный, весьма удобный и дешевый путь — по Закаспійской желѣзной дорогѣ, Каспійскому морю, Волгѣ въ Европейскую Россію, а по Самаро-Златоустовской желѣзной дорогѣ въ Приуралье. Хотя съ проведеніемъ Закаспійской дороги для Средней Азіи открылся прямой путь въ русскіе центры безъ посредства Приуралья, тѣмъ не менѣе среднеазиатскія народности поддерживаютъ торговые сношенія съ послѣднимъ, и значеніе Самаро-Златоустовской дороги для этихъ сношеній обнаружилось и было сознано Бухарцами на первыхъ же порахъ. Оказалось, что по этимъ новымъ путямъ сообщеніе съ Приуральемъ совершается въ 6 разъ быстрѣе: вмѣсто прежнихъ 3 мѣсяцевъ по степямъ — въ 15 дней, а товары доставляются въ свѣжемъ и незапыленномъ видѣ, что особенно отразилось на фруктахъ, которые стало возможнымъ доставлять на Уралъ въ неизмятомъ, сочномъ и почти свѣжемъ состояніи. Убѣдившись въ этомъ, среднеазиатское населеніе довольно усердно пользуется новымъ путемъ сношенія. Такимъ образомъ строящійся сибирскій желѣзнодорожный путь, началъ оказывать значительное вліяніе на столь отдаленныя страны, какъ Бухара. Усиливающееся постоянно товарное движеніе на этой дорогѣ доказываетъ все ея значеніе.

Новое значеніе дороги для края оказалось въ неурожайные годы 1891—92 г., когда при посредствѣ ея транспорты хлѣба доставлялись сравнительно дешево и легко въ отдаленные уголки Уфимской и Оренбургской губерніи и спасали отъ голода и смерти обрадованное населеніе, которое съ ужасомъ представляло себѣ размѣры бѣдствія въ томъ случаѣ, если бы не была проведена желѣзная дорога, и возсылало благодарности за заботы государственной власти. Дорогѣ выпала возможность сдѣлаться полезной для края еще во время ея постройки.

Культура, движущаяся въ дѣйственный край вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, вызвавъ эти новыя явленія и факты, уже намѣтила много старыхъ явленій жизни къ упраздненію. На первомъ планѣ она произнесла свой приговоръ надъ патриархальнымъ, несложнымъ строемъ жизни низшихъ классовъ народа въ деревнѣ съ его нравами, обычаями, вѣрованіями, пѣснями и т. п. Культура, какъ подмѣчено, всюду вытѣсняетъ непосредственное народное творчество въ строѣ жизни, обычаяхъ, пѣсняхъ, миро-созерцаніи, и это народное творчество быстро улетучивается или поддается всевозможнымъ вліяніямъ, а между тѣмъ плоды этого творчества, какъ установлено, имѣютъ огромное значеніе для развитія культуры. Поэтому важно и интересно собраніе продуктовъ народнаго творчества въ такихъ мало еще затронутыхъ цивилизаціей мѣстахъ, какъ Приуралье.

Желѣзныя дороги, какъ проводникъ культуры, въ корнѣ переворачиваютъ строй народной жизни и мировоззрѣнія, производя часто самыя уродливыя сочетанія старыхъ формъ жизни съ новыми городскими и отталкивающія нравственные метаморфозы. Около начальной станціи Самаро-Златоустовской желѣзной дороги — Кинеля — образовался по поводу ея возникновенія поселокъ въ одинъ порядокъ съ десяткомъ домовъ; онъ выдѣлился изъ сосѣдняго большаго села. Жители поселка всѣ торгаши или содержатели трактировъ и промышляютъ мелочной торговлей около желѣзнодорожнаго вокзала. Торговля эта стала прибыльной съ тѣхъ поръ, какъ на ст. Кинель соединилась съ Оренбургской желѣзной дорогой Самаро-Златоустовская; число поѣздовъ и пассажировъ удвоилось, а съ ними увеличились и барыши торговцевъ изъ поселка, такъ что они всецѣло занимаются торговлею и ни о чемъ другомъ думать не хотятъ. Желая познакомиться съ жизнью поселка, я отправился туда пить чай: каждый домъ представляеть изъ себя въ родѣ чайнаго заведенія для проѣзжающихъ.

Торговка, у которой я заказалъ чаю, на мои разспросы о жителяхъ сообщила мнѣ, что поселяне никогда не занимались хлѣбопашествомъ, поддерживаютъ только огородничество для торговли, ходятъ въ городскихъ костюмахъ, женщины въ ситцевыхъ модныхъ платьяхъ; любимымъ ихъ времяпрепровожденіемъ служатъ прогулки нарочками по платформѣ вок-